

Горе-реформатор

Получив власть, Горбачёв начал губительные для страны и советского народа эксперименты, звучно названные **“перестройка”** и **“реформы”**. Желая понравиться Западу, он стал безоглядно сдавать позиции, которые СССР завоевал не только ценой 27 миллионов погибших в Великой Отечественной войне, но и ценой лишений советских людей, создавших экономический и оборонный потенциал страны.

Самое страшное, что отзвуки предательских деяний Горбачёва не только Россия, но и мир в целом ощущает до сих пор. Кровь, которой США и НАТО в 1999 году залили Югославию, а в 2001-м – Афганистан, в 2003-м – Ирак, в 2012 – Ливию и которая сегодня льётся в Сирии, отчасти на совести Михаила Сергеевича, допустившего разрушение биполярного мира.

Не могу удержаться от соблазна процитировать характеристику реформаторов, данную в 1858 году русским сатириком Михаилом Евграфовичем Салтыковым-Щедриным. В сочинении **“Господа ташкентцы”** он писал:

“Люди, которым дотоле присваивались презрительные наименования “соломенных голов”, “гороховых шутов”, “проходимцев” и даже “подлецов”, вдруг оказались гениями, перед грандиозностью соображений которых слепли глаза у всех, не посвящённых в тайны жульничества. Всех русских быков предполагалось посолить и в солёном виде отправить за границу. Все русские болота представлялось необходимым разработать, и извлечённые из торфа продукты отправить за границу.

...Хмель, лён, пенька, сало, кожи – на всё завистливым оком взглянули домашние ловкачи-реформаторы и из всего изъявляли твёрдое намерение выжать сок до последней капли”.

Да, Михаил Евграфович, будучи не только писателем, но и вице-губернатором, смотрел в корень проблемы. К сожалению, его предостережения о реформаторах оказались не услышанными, и спустя 127 лет после Салтыкова-Щедрина к власти прорвался **“реформатор и мыслитель всех времён и народов”** Горбачёв, сумевший нанести стране ущерб, сопоставимый с ущербом от нацистской агрессии.

К сожалению, целый ряд обстоятельств способствовал тому, чтобы Горбачёв прочно сидел в своём кресле более 6 лет. В тот период информация о преступных деяниях Генсека и Президента была недоступной даже для членов ЦК КПСС. Историки будущего, изучая протоколы Пленумов и Съездов КПСС, будут поражены, сколь скудно в них говорится о реальной кризисной ситуации, сложившейся в СССР в период перестройки.

Михаил Сергеевич в своих докладах вместо анализа допущенных ошибок упор делал на перспективы и “громадьё планов”, которые предстоит выполнять партии и стране. Его окружение только поддакивало ему.

Первый “звонок” для Горбачёва прозвучал в декабре 1990 года на IV Съезде народных депутатов СССР (17–27 декабря 1990 года). Перед началом работы Съезда депутат Сажи Умалатова, чеченка по национальности, женщина, мужеству которой могут позавидовать мужчины, предложила поставить первым в повестку дня Съезда вопрос о недоверии Президенту СССР, заявив: **“Менять надо не курс, но курс и главу государства”**.

Я помню это выступление Умалатовой (на Съезде присутствовал в качестве приглашённого). Она волновалась, но достаточно чётко изложила, по каким причинам Горбачёв потерял право быть Президентом СССР. Умалатова прямо сказала, что в стране нет хозяина, что полномочия, предоставляемые Президенту, Горбачёв не использует, в результате страну захлестнула волна насилия и ненависти, а СССР живёт на подачки Запада.

Большинство депутатов в зале слушали Умалатову с каким-то страхом. Ведь всё, что было правдой, но о чём предпочитали молчать, вдруг зазвучало с трибуны Кремлёвского Дворца съездов. Это нарушило то благостное состояние, в котором всегда пребывало большинство народных избранников. Поэтому, когда Председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов поставил предложение Умалатовой на поименное голосование, то за включение его в повестку дня высказалось всего 426, против – 1288, воздержались 183 депутата.

Ситуация могла бы быть иной, если бы в поддержку Умалатовой выступили люди, располагающие информацией о предательской деятельности Горбачёва. А такие были. Прежде всего, Председатель КГБ СССР В. Крючков. Но он предпочёл промолчать. Зато во время следствия по делу ГКЧП, отвечая на вопрос, почему участники путча раньше не ставили вопрос об отставке Горбачёва, Владимир Александрович ответил: **“Ну, как же, а в парламенте... Сажи Умалатова просто подвиг совершила...”** Одним словом, **“мы пахали”**...

На IV Съезде народных депутатов СССР Крючков выступил через неделю после Умалатовой. Он вновь рассказал **“о происках ЦРУ”** в отношении СССР. Но безадресно, неконкретно. За 70 лет советской власти люди привыкли к таким сообщениям. Поэтому реакция Съезда на выступление главы КГБ была спокойной. Она была бы иной, если бы он рассказал о двух агентах влияния США – Горбачёве и Яковлеве. А фактами глава КГБ тогда располагал.

Позиция Крючкова удивляет, так как он весь 1990 год страдал членов ЦК КПСС и народных депутатов СССР происками Запада. 11 декабря 1990 года Владимир Александрович выступил по Центральному телевидению с разоблачением **“козней Запада, который, делая ставку на националистов”**, стремится развалить СССР. И там вновь ни слова о предательской политике Горбачёва и его паладинов – министра иностранных дел Шеварднадзе и члена Президентского совета Яковлева.

К сожалению, не обеспокоило Крючкова и прозвучавшее на Съезде заявление командующего Балтфлотом адмирала В. Иванова о том, что **“экстремистские элементы создают предпосылки к тому, что военнослужащие в определённый момент могут применить оружие для защиты своих семей, для защиты своих детей”**. Оно также не вызвало серьёзной реакции зала и президиума. Большинство депутатов предпочитали дистанцироваться от злободневных проблем.

На Съезде с резкой критикой Шеварднадзе и Яковлева выступили депутаты В. Алкснис и Н. Петрушенко. После чего “белый лис” Шеварднадзе поняв, что начинает “припекать”, объявил о надвигающейся “диктатуре” и своём уходе в отставку.

Горбачёв, как всегда, попытался смягчить на Съезде оценку критической ситуации, сложившейся в стране. Он как бы не заметил критику, высказанную С. Умалатовой, и выступил с докладом под многозначительным названием **“Переходить от слов к делу, решительно двигаться вперёд”**. Одним названием доклада Михаил Сергеевич признал, что пять лет перестройки прошли в говорильне. Тем не менее, Президент бодро заявил, что шансы на успех велики. Якобы за год-полтора можно поставить страну на “правильные рельсы”.

В результате Съезд в очередной раз поверил Горбачёву и согласился с предложенными им мерами по стабилизации ситуации в стране, и предоставил ему мыслимые и немыслимые полномочия. Прежде всего, Съезд упразднил Совет министров СССР и должность его председателя, учредил Кабинет министров в качестве исполнительного и распорядительного органа, который формировался Президентом и подчинялся **непосредственно ему**.

Съезд создал Высшую государственную инспекцию, подчинённую Президенту, Совет безопасности, Совет Федерации. Последний из совещательного органа при Президенте, стал самостоятельным – **под руководством Президента**. Он должен был **контролировать** деятельность высших органов государственного управления Союза и республик.

Председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов отметил, что отныне Президент СССР станет **“активно влиять на все сферы реализации законов и других важнейших государственных решений”**. Для этого Горбачёву были созданы все условия. Осталось только разумно распорядиться диктаторскими полномочиями, которые он получил как Президент. Но... не случайно А. Громыко сказал о Горбачёве: **“Не по Сеньке шапка!”** Часы стали отбивать время, отмеренное Президенту СССР и, к сожалению, стране.

Заговорщики в Кремле

Большую роль в потере доверия сыграла трусливая позиция Горбачёва, касающаяся силовых акций по наведению конституционного порядка в Баку, Тбилиси и Вильнюсе. Горбачёв категорически отрекался от своей причастности к этим акциям.

Однако его ложь стала для всех более чем очевидной. Достаточно напомнить, что после трагедии в Тбилиси на заседании Политбюро ЦК КПСС (апрель 1989) Горбачёв обратился к Председателю КГБ СССР В. Крючкову и Министру обороны СССР Д. Язову со следующим предупреждением: **“Я на тебя смотрю, Владимир Александрович! (Крючков)... Дмитрий Тимофеевич, (Язов), запомни навсегда и сегодня же отдай приказ: отныне без решения Политбюро армии в гражданских делах запрещать участвовать”**.

Крючков и Язов прекрасно помнили, как в мае 1987 года за посадку М. Руста на Красной площади Горбачёв расправился с советским генералитетом. Однако после “грозного” предупреждения на Политбюро армия и КГБ в январе 1990 года осуществили операцию по наведению конституционного порядка и предотвращению погромов в Баку.

Горбачёв вновь заявил, что он не в курсе, и приказ на применение военной силы в Баку отдали Крючков и Язов. Однако никаких оргвыводов в отношении “самовольщиков” не последовало. Более того, буквально через три месяца после бакинских событий, 28 апреля 1990 года Горбачёв своим Указом присвоил Язову звание Маршала Советского Союза!

Я уже ссылался на свидетельство бывшего главы КГБ СССР, а позднее секретаря ЦК КПСС В. Чебрикова, который подтвердил, что Горбачёв дал санкцию на применение войск в Тбилиси, а затем отказался подтвердить это. В 2012 году уже бывший министр обороны СССР Д. Язов в интервью газете “Комсомольская правда” сообщил: **“В январе 1990-го вызывает Горбачёв меня, Крюčkова и Бакатина и приказывает немедленно лететь в Баку, ввести чрезвычайное положение, навести порядок. Мы тут же поехали на Чкаловский аэродром и через 2 часа были там...”** (“КП”, 23.02.2012).

О неадекватности мышления Горбачёва свидетельствует высказывание после прилёта из Фороса в августе 1991 года: **“Вы никогда не узнаете настоящей правды!”** Публичная балансировка на грани правды и лжи уже свидетельствует о некоем психическом комплексе. К сожалению, такой человек шесть лет руководил страной!

Но вернуться в весну 1991 года. Крайнее недовольство в стране вызвало апрельское повышение цен. И при этом крайне необходимые населению товары первой необходимости отсутствовали в магазинах. О дефиците продуктов питания даже вспоминать не хочется. Хотя, как впоследствии выяснилось, на оптовых базах и складах продуктов было достаточно, но в торговую сеть они не поступали. “Агенты влияния” работали эффективно. В результате в ЦК тоннами пошли письма с требованием отставки Генсека.

В марте–апреле 1991 года на пленумах крупнейших партийных организаций страны – Киевского горкома Компартии Украины (10 марта 1991), Ленинградского обкома КПСС (11 марта) и Московского горкома КПСС (23 апреля) – неоднократно звучало требование об уходе Горбачёва в отставку.

В канун апрельского Пленума ЦК КПСС 32 секретаря российских обкомов и крайкомов партии из 72 подписали письмо в ЦК КПСС с требованием отставки Генсека. И вот 24 апреля 1991 года в Мраморном зале Кремля Центральный Комитет КПСС совместно с Центральной контрольной комиссией КПСС рассмотрели вопрос **“О положении страны и путях вывода экономики из кризиса”**.

Горбачёв на Пленуме ограничился вступительным словом. С докладом выступил новый Председатель СМ СССР Валентин Сергеевич Павлов. После доклада начались выступления. Генсек сразу же стал объектом жёсткой критики. После одного из критических выступлений Горбачёв неожиданно встал из-за стола президиума и, пробормотав: “Ладно, хватит, сейчас всем отвечу!” – пошёл к трибуне. В притихшем зале, не привыкшем видеть такого Генсека, раздалась возгласы: “Перерыв, перерыв!”

Начал Горбачёв так: “Я коротко, успеете пообедать”. И добавил: “Я должен констатировать, что около 70 процентов выступивших на Пленуме заявляют, что уровень популярности и авторитет Генерального секретаря упали чуть ли не до нуля. Считаю, что в таком состоянии оставлять человека и партию нельзя. Это просто преступно. Предлагаю прекратить прения и решить вопрос о замене Генсека и о том, кто займёт его место между съездами. И кто смог бы к тому же устроить те 2-3 или 4 партии, которые сидят сейчас в этом зале... Ухожу в отставку!”

Среди участников Пленума возникло замешательство. Был объявлен перерыв, во время которого “горбачёвцы” организовали сбор подписей в поддержку Генсека. Параллельно проходило заседание Политбюро ЦК. Оно предложило Пленуму следующее решение “Исходя из высших интересов страны, народа, партии, снять с рассмотрения выдвинутое Михаилом Сергеевичем Горбачёвым предложение о его отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС”...

Это решение было принято 322 голосами “за” при 13 “против” и 14 воздержавшихся. Впоследствии “горбачёвцы” говорили о заранее подготовленной попытке сместить Горбачёва. Это вызывает улыбку. Если бы попытка готовилась бы заранее, то она удалась бы. Ведь нетрудно было просчитать реакцию “горбачёвцев” и после перерыва выпустить второй эшелон выступающих, а при необходимости и третий. Подобные вещи успешно проделывались даже на уровне райкома партии.

Причём всё могло решить несколько выступлений, аналогичных ранее упомянутому выступлению В. Бровикова, или одно выступление Председателя КГБ СССР В. Крючкова. Соответственно, в этом случае не надо было устраивать так называемый августовский путч 1991 года. Судьба СССР стала наглядным примером правоты изречения американского поэта Ричарда Эберхарта: “Не бойся врагов, в худшем случае они могут тебя убить, не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство”.

В этой связи необходимо особо поговорить о В. Крюкове, который в 1991 году мог несколькими словами изменить судьбу СССР. Однако не случилось. Это оказалось результатом кадрового тандема Горбачёв – Крючков, прочно державшего Владимира Александровича в своих тисках.

Владимир Александрович Крючков занял весьма странную позицию в отношении Генсека. Началось всё с Александра Николаевича Яковлева. Напомню, что уже в 1989 году советским спецслужбам стало известно, что тот занимал выгодные для Запада позиции, противостоял “консервативным силам” в СССР, и Запад мог твёрдо рассчитывать на него в любой ситуации.

Крючков доложил эту информацию Горбачёву. Но тот лишь предложил главе КГБ попытаться поговорить с Яковлевым. Известно, что разговор Крюčkова с Яковлевым, проходивший в финской бане, оказался безрезультатным. Яковлев на вопросы Крюčkова лишь вздыхал и молчал. Глава КГБ доложил об этом Горбачёву. Тот, побегав по кабинету, сказал, обращаясь к Крючкову: *“Возможно, с тех пор он вообще для них ничего не делал?”* Но, тем не менее, разрешения на повторную, контрольную проверку Яковлева Генсек не дал. Крючков безропотно с этим согласился...

Замечу, что в 1990-м и в 1991 годах у Председателя КГБ СССР, как члена ПБ ЦК КПСС было немало возможностей воздействовать на главу советского государства. Не вызывает сомнений, что если бы Крючков публично озвучил лишь некоторые факты предательской политики Генсека, то, возможно, история нашей Родины развивалась бы по-другому. А Горбачёв доживал бы жизнь не в роскошном баварском замке, а в тюремной камере.

Выступал Крючков на апрельском (1991) Пленуме ЦК КПСС, когда стоял вопрос об отстранении Горбачёва от должности. Но вновь обошёл стороной вопрос ответственности Генсека за происходящее в Союзе. Наконец 17 июня 1991 года Владимир Александрович на закрытом заседании Верховного Совета СССР вновь говорил о внешних силах, активно действующих по созданию бедственного положения в стране. Он тогда констатировал, что **“наше Отечество находится на грани катастрофы”**.

Подтверждая своё высказывание, Председатель КГБ озвучил секретную записку Юрия Владимировича Андропова “О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан”, датированную 1977 годом. В записке говорилось о том, что *“... американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза”*.

ЦРУ разрабатывало программу индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающую приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку”.

Также в записке подчёркивалось, что основное внимание ЦРУ будет обращено на советских граждан, *“способных по своим личностным и деловым качествам в перспективе занять важные административные должности в партийном и советском аппаратах”*.

Известно, что к моменту выступления Владимира Александровича на Верховном Совете “агенты влияния” были уже подготовлены, внедрены на соответствующие должности и вели “соответствующую” работу в интересах США. Поэтому действовать надо было без промедления. Однако Крючков ограничился рассуждениями на общие темы.

Напрашивается вывод. Видимо, агенты влияния были слишком “могущественными людьми”. Об этом мне намекнул один из бывших замов Председателя КГБ. Этот вывод косвенно подтвердил генерал КГБ Юрий Иванович Дроздов. Он, ссылаясь на американского разведчика, заявил корреспонденту **“Российской газеты”** (31.08.2007) о том, что ЦРУ и Госдепартамент США имели в СССР **“агентуру на самом верху”**.

Но в таком случае единственным способом, которым эту агентуру следовало обезвредить, было оглашение их фамилий. Напомню, что в 1981 году в Италии таким образом удалось предостеречь правый государственный переворот, который готовили члены тайной масонской ложи “П-2”. Для этого оказалось достаточным опубликовать список с фамилиями 962 членов этой ложи. В неё входили три министра тогдашнего правительства Италии, руководители всех трёх итальянских спецслужб, политический секретарь социал-демократической партии, зам. министра обороны, президент объединения итальянских промышленников “Конфиндустрия” и т. д.

Самую многочисленную часть ложи составляли военные: начальник генерального штаба министерства обороны Италии, заместитель главнокомандующего военно-морскими силами НАТО в Южной Европе и др. И, тем не менее, обнародование списка заговорщиков-масонов поставило крест на их планах. Этот скандал в Италии, несомненно, был известен Крючкову.

Не вызывает сомнений, что ему также было известно о международной встрече делегаций органов госбезопасности социалистических государств, состоявшейся в 1974 году в Гаване. На этой встрече особый интерес вызвало

выступление начальника контрразведки социалистической Чехословакии Мольнара. Цитату из его выступления привёл в своей книге «Как готовили предателей: Начальник политической контрразведки свидетельствует...» первый зам. Крючкова Филипп Денисович Бобков, участник встречи в Гаване.

Мольнар заявил: «Хочу предупредить вас, что настоящая опасность наступит тогда, когда на сотрудничество с противником пойдут представители властных структур, лица, стоящие у власти. Мотивы их сближения с противником могут быть разными. Это может быть стремление найти гарантии укрепления личной власти, слабая убежденность в социалистическом мировоззрении, научная неподготовленность...»

Говорю это на опыте моей Чехословакии. Мы пережили то, что творили руководители государства во времена Дубчека, то, что делал он сам. И органы государственной безопасности не могли препятствовать тому, что вело к гибели строя. Мы не могли выступить против власти, потому что народ верил власти, а не тем, кто выступает против неё. Тем более, что они прикрывались клятвами в верности идеям Маркса и Ленина, утверждали на словах социализм, борясь с изъятиями прошлого. Стать «переворотчиками» мы не могли.

Хочу предупредить и призвать вас подумать, как поступать в таких случаях. Одно дело — подпольная борьба отдельных лиц или групповых формирований, которые вступили в сотрудничество с противником. И совсем другое, когда происходит изменение позиций руководителей партии и государства в сторону от социалистического пути развития. Ревизионизм охватывает высшие эшелоны власти»...

Вышеизложенное подтверждает ранее сделанный вывод. Ситуацию в 1991 году можно было бы изменить только в случае, если бы Крючков назвал фамилии. Тем более, что Председатель КГБ СССР к тому времени располагал списком 2200 агентов влияния Запада.

Замечу, что ситуация тогда сложилась более чем странная. Подчинённые Председателя КГБ хорошо осознавали происходящее в стране, а их шеф пребывал в святом неведении. Об этом свидетельствует следующий факт. 23 февраля 1990 года собрание представителей подразделений Центрального аппарата КГБ СССР обратилось к Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю ВС СССР М. Горбачёву с заявлением: «В чекистских коллективах выражается недоумение по поводу того, что руководящие органы страны, располагая упреждающей информацией о назревающих негативных явлениях, явно запаздывают с принятием жизненно важных политических решений, проявляют медлительность и нерешительность, не используют силу действующих ныне законодательных актов.

Затягивается принятие ряда важных для общества законов, в том числе по вопросам усиления борьбы с организованной преступностью, о Комитете государственной безопасности СССР, о преступлениях против государства, о преступлениях против мира и безопасности человечества. Отсутствие этих законов лишает правовой основы борьбу с наиболее опасными формами организованной преступности, коррупцией, с преступлениями в сфере внешнеэкономической деятельности, не позволяет эффективно обеспечить безопасность государства и граждан...».

Заявление чекистов Горбачёв даже не удостоил ответа. Возникает вопрос, почему публичные выступления о грозящей стране опасности не возымели должного эффекта? Почему они оказались гласом вопиющего в пустыне? Ведь они, казалось бы, были проникнуты озабоченностью судьбой СССР.

Прежде всего, потому, что проблемы преподносились в общих чертах, без конкретных фактов и фамилий. Я помню свою реакцию, да и реакцию тех членов ЦК КПСС и народных депутатов ВС СССР, с которыми я общался, на выступления Крючкова. За годы советской власти мы привыкли, что советскую общественность периодически информировали о «коварных» планах Запада. Но тем дело и кончалось, происки врагов всегда успешно пресекались.

В 1990—1991 годах всех успокаивало то, что Председатель КГБ выступал в присутствии Генсека ЦК КПСС и Президента СССР. Также напомним, что 27 ноября 1990 года министр обороны, Маршал Советского Союза Д. Язов выступил по Центральному телевидению с заявлением об угрозе ослабления обороноспособности страны. Выступал он, как известно, по указанию Президента СССР.

Какой из этого следовал вывод? “Наверху” ситуацию контролируют. Соответственно, все были уверены, что Горбачёв поручил главе госбезопасности проинформировать коммунистов и народных депутатов СССР о том, что КГБ не “дремлет” и контрмеры будут своевременно приняты.

В силу этого публичные выступления Крючкова о “происках врагов” воспринимались без обеспокоенности. Почему этого не осознавал сам Председатель КГБ СССР, до сих пор не ясно. К сожалению, впоследствии, так же спокойно, как бы не замечая трагизма происходящего, советские люди расстались с советским образом жизни и Советским Союзом.

Путч и предательство элиты

С учётом вышеизложенного, более чем странным выглядит инициация Крючковым создания Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению – ГКЧП, который поставил точку в судьбе СССР, хотя проблему Горбачёва можно было решить или на Пленуме ЦК КПСС, или на Съезде народных депутатов СССР.

Но, как впоследствии выяснилось, Крючков пошёл на поводу у Горбачёва, который предложил решать накопившиеся в СССР вопросы путём создания ГКЧП.

Михаил Полторанин, бывший министр печати и информации России, в интервью “Комсомольской правде” заявил: *“Июль 1991 года стал месяцем повальных, беспрецедентных для КПСС мятежных пленумов, собраний. Позже, возглавляя комиссию по рассекречиванию документов КПСС, я насчитал в архивах более десяти тысяч грозных телеграмм. “Выражаем недоверие деятельности Политбюро ЦК КПСС и лично Генерального секретаря М. С. Горбачёва. Контрольная комиссия Алтайского края. 04.07.1991 г<ода>”, “Объединённый пленум Якутского горкома партии считает, что руководство ЦК КПСС проводит политику, не отвечающую чаяниям трудящихся. Требуем срочного созыва съезда КПСС. Секретарь А. Алексеев. 10.07.1991 г<ода>”.*

Как уже говорилось, ситуацию в стране накалял тотальный дефицит. В том же интервью Полторанин вспоминал: *“Экономика рухнула. Людям нечего было есть, носить, обувать. Ни мыла, ни полотенец, простыней, носков. На складах всё это лежало, но в магазины почему-то не попадало”.* И тут, в начале августа 1991 года Президент объявил, что на 20 августа назначено подписание нового Союзного договора, который превращал единый Союз ССР в конфедерацию суверенных государств.

Это было бы фактическое уничтожение СССР, подобное будущему бело-вежскому сговору. Поэтому противников подписания нового Союзного договора было более чем достаточно. Всё это превратилось в сгусток “горячих” проблем, грозящий социально-политическим взрывом. Не случайно 3 августа на заседании Кабинета министров СССР Горбачёв заявил о том, что в стране чрезвычайная ситуация и надо принимать меры, включая введение чрезвычайного положения.

Дальнейшее развитие ситуации можно было легко просчитать. После подписания Союзного договора состоялся бы внеочередной Съезд КПСС, на котором Горбачёв был бы отрешён от должности Генсека ЦК КПСС. Затем последовал бы внеочередной Съезд народных депутатов, который лишил бы Горбачёва поста Президента СССР. Ну, а далее Михаил Сергеевич был бы привлечён к уголовной ответственности со всеми вытекающими последствиями.

Смириться с этим Горбачёв не мог. Нельзя было допустить проведение съездов, прежде всего, съезда КПСС. А официального повода поставить партию вне закона не было. Нужна была **масштабная провокация**, аналогичная той, которую Горбачёв в январе 1991 года провёл в Вильнюсе. Тогда Компартия Литвы/КПСС, выступавшая против выхода Литвы из СССР, была нейтрализована, а КГБ и Советская армия серьёзно дискредитированы. В итоге Литва вышла из-под контроля Кремля.

В этой связи мне вспомнилась встреча с московскими чекистами, состоявшаяся в феврале 1991 года. В завершении встречи мне задали вопрос: **“Чего следует ожидать в ближайшем будущем?”** Я ответил, что следует ждать какой-то грандиозной провокации, типа вильнюсских событий, которая поставит окончательный крест на КГБ и Советской армии.

Тому, что путь был задумкой Михаила Сергеевича, существуют весомые свидетельства. Последний премьер-министр Союза ССР В. С. Павлов в интервью газете "Правда" (12.04.1996) и в книге "Горбачёв-путь" сообщил: **"Заговор, если и был таковой, исходил вовсе не от ГКЧП"**. Подтверждая сказанное, Павлов рассказал о встрече будущих ГКЧПистов на гостевой даче внешней разведки, так называемом "объекте АБЦ".

По словам Валентина Сергеевича, Горбачёв знал не только о предполагаемой встрече, ему было известно также, когда и где она должна была проходить: **"Собрались мы спонтанно, так сказать, экспромтом. Минут через пятнадцать после моего появления в садовой беседке Крючкова попросили к телефону. Уходя, он обронил странную фразу: "Это звонит Горбачев из Фороса. Он знает, что мы уже собрались..."**"

Бывший советский премьер утверждал, что изоляция Горбачёва в Форосе — досужие вымыслы: **"Никакой изоляции в помине не было! И никакой ГКЧП свергать его с президентского поста тоже не собирался. Если хотите, сам Михаил Сергеевич был... членом ГКЧП. По признанию Павлова, в Форос к Горбачёву летали Бакланов, Болдин, Варенников и Шенин, чтобы доложить об усугубляющейся кризисной обстановке в стране и уговорить пойти на чрезвычайные меры"**.

Название ГКЧП, по словам Павлова, было привезено из Фороса, от Михаила Сергеевича. **"Товарищи рассказывали, что персональный состав комитета своей рукой написал сам Горбачёв. Вроде как предположение, кто может в него войти. Того же А. Лукьянова предусмотрительно вписал в список под знаком вопроса"**.

Вышесказанное **объясняет странное поведение** главы КГБ в период чрезвычайного положения. Ведь Владимир Александрович был главной пружиной ГКЧП. Только сговором Горбачёва с Ельциным можно объяснить то, что Крючков так и не дал команду на захват Президента России и его окружения на даче в Архангельском.

Известно, что 19 августа с раннего утра 60 бойцов спецназа КГБ "Альфа" во главе с Героем Советского Союза Виктором Фёдоровичем Карпухиным расположились на расстоянии нескольких сотен метров от дачи Ельцина. Они были полностью готовы к силовой операции. Как впоследствии вспоминал Карпухин, он лично пять раз связывался с Крючковым и запрашивал добро на захват. Но Крючков медлил.

Перехватив переговоры Карпухина с шефом КГБ, офицеры охраны из Девятого управления КГБ, закреплённые за Ельциным, связались с Виктором Фёдоровичем и попросили **"не мочить своих"**. **"Если надо, мы их тут сами повяжем!"** — обращались офицеры личной охраны Ельцина к коллегам из "Алфы". Но Крючков вновь добро не дал...

В результате Ельцин беспрепятственно смог добраться до Белого Дома и, взобравшись на танк, заявить, что действия ГКЧП являются антиконституционными. Сыграла роль и провальная пресс-конференция, которую провели гекачеписты. Вечером в телеэфир пошёл выпуск новостей, в ходе которого было озвучено обращение Ельцина. Далее вся ситуация посыпалась, как карточный домик.

22 августа 1991 года Горбачёв в 1:30 час прилетел из Крыма. Он сразу же откредитовался от ГКЧП, при этом публично ляпнув: **"Имейте в виду, настоящей правды никто не узнает"**. 23 августа в Белом доме на сессии Верховного Совета РСФСР Ельцин в присутствии Горбачёва и вопреки его слабым и невнятным возражениям подписал указ о приостановлении деятельности российской Компартии на том основании, что она поддержала ГКЧП.

23 августа в 15 часов по распоряжению мэра Москвы Гавриила Попова и нового начальника Московского управления КГБ СССР Евгения Савостьянова здания ЦК КПСС и МГК КПСС на Старой площади были опечатаны. 24 августа 1991 года Горбачёв объявил о сложении полномочий Генерального секретаря ЦК и о выходе из КПСС. Он предложил ЦК КПСС самораспуститься, а республиканским компартиям и местным партийным организациям определиться самим. Члены ЦК КПСС, находившиеся в Москве и России, никак не отреагировали на это. Это явное свидетельство того, что советская политическая элита выродилась и утратила бойцовские политические качества.

Вот так коммунисты из ГКЧП нанесли смертельный удар по КПСС. Фактически повторилась январская ситуация в Вильнюсе 1991 года. В Москве тоже

всё делалось как бы в расчёте на провал. **Этот провал также был обусловлен личностными качествами членов ГКЧП и, прежде всего, Крючкова и Язова.** Они в силу опыта и занимаемого ими положения должны были действовать более продуманно и решительно. Но как выяснилось, говорить о наличии таких качеств, как предвидение последствий принимаемых решений и стойкость, у Крючкова и Язова не приходится.

Фальшивые коммунисты

Советская система управления в период Хрущёва-Брежнева сделала ставку на “исполнителей”, беспрекословно выполнявших команды сверху. Именно они оказались наиболее “живучими” в критических ситуациях. В то же время следует признать, что процесс прихода к власти этой категории людей начался ещё при Сталине. В 1946 году вождь в ответ на предложение Андрея Алексеевича Жданова рассмотреть проблемы развития СССР на очередном, XIX съезде ВКП(б) заявил: *“Партия... Что партия... Она превратилась в хор псаломщиков, отряд аллилуйщиков...”*

Через 40 лет после горьких слов Сталина аллилуйщики в КПСС, в основном сосредоточенные в управляющем партаппарате, позволили Генеральному секретарю ЦК КПСС, а затем Президенту СССР в течение шести с лишним лет проводить губительную политику. Но не только аллилуйщики были виновниками краха СССР. Оказалось, что многих представителей советской политической и военной элиты можно было купить за американские доллары.

Об этом рассказал в своих воспоминаниях под названием **“Остаться русским. Первая поездка в Россию”** князь Алексей Павлович Щербатов (1910–2003) из рода Рюриковичей, президент Союза Российских Дворян Северной и Южной Америки. В 2003 году воспоминаниями о событиях августа 1991 года в Москве князь поделился с Александром Чернавским. Тот разместил эти воспоминания в популярной православной газете **“Вера”** – **“Эском”** (№ 520). Князь рассказывал: *“За несколько дней кое-что для себя прояснил: американцы, ЦРУ провели деньги через своего посла в России, Роберта Страусса, используя его связи, чтобы подкупить военных – Таманскую и Дзержинскую дивизии, – которые должны были перейти на сторону Ельцина. Большие деньги получили сын маршала Шапошникова, военный министр Грачёв.*

У Шапошникова сейчас имение на юге Франции, дом в Швейцарии. Я слышал от Джорджа Бейли, моего давнего друга, много лет проработавшего в ЦРУ, что выделенная на СССР сумма составляла больше одного миллиарда долларов. Немногие знали, что в 1991 году в аэропорт “Шереметьево” специальные самолёты под видом дипломатического груза доставляли деньги, их раздавали упаковками 10-, 20-, 50-купюровыми банкнотами правительственным руководителям и военным. Эти люди в дальнейшем смогли участвовать в приватизации. На сегодня это известный факт... Оказалось, что если советским чиновникам дать хорошие взятки, то разрушить Советский Союз не составило труда”.

Впечатление такое, что князь Щербатов рассказывал о каком-то африканском государстве, а не о Советском Союзе. Но он изложил то, чему был свидетелем. Но не только за деньги покупались бывшие коммунисты. Известно, что Горбачёв “купился” на деньги зарубежных “коллег”. Не избежал этой участи и бывший первый секретарь Московского ГК КПСС, а затем и президент Российской Федерации Б. Ельцин.

Известно, что Борис Николаевич, будучи прорабом строительного управления, в 30 лет (1961) вступил в КПСС “по убеждению”. За этим последовал его стремительный карьерный рост. В 35 лет Ельцин – уже директор Свердловского домостроительного комбината. В 37 лет он возглавлял отдел строительства Свердловского обкома КПСС. Отличался невероятной исполнительностью. О Ельцине говорили: *“Он разобьётся в лепёшку, но выполнит любое задание начальства”.* Затем Борис Николаевич стал секретарём обкома и в 45 лет был избран первым секретарём Свердловского обкома КПСС.

В этой должности он организовал исполнение давнего решения Политбюро ЦК КПСС о сносе дома Ипатьевых (место расстрела царской семьи в 1918 году), которое никак не желал выполнять его предшественник Я. Рябов. Одним словом, верный солдат партии, готовый выполнить любое её указание.

По этой причине весной 1985 года, по рекомендации Е. Лигачёва, Ельцин был взят в аппарат ЦК КПСС заведующим Отделом строительства, а в июне того же года был избран секретарём ЦК КПСС по вопросам строительства. В декабре 1985 года был рекомендован Политбюро ЦК КПСС на должность первого секретаря Московского ГК КПСС.

Но в 1987 году на октябрьском Пленуме ЦК КПСС Борис Ельцин, будучи уже кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС позволил себе покритиковать деятельность Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. Он также высказал озабоченность по поводу неумеренного *“славословия некоторых членов Политбюро в адрес Генерального секретаря”*.

Помимо этого, Ельцин “прошёлся” по стилю работы секретаря ЦК КПСС Егора Лигачёва и заявил о своём нежелании исполнять обязанности кандидата в члены Политбюро. Выступление Бориса Николаевича было сумбурным и не впечатляющим. Но, по выражению Горбачёва, Ельцин *“бросил тень на деятельность Политбюро и Секретариата, на обстановку, сложившуюся в них”*. А это по всем партийным канонам надлежало осудить. Ельцина освободили от должности первого секретаря Московского ГК КПСС и назначили первым заместителем председателя Госстроя СССР. Засекреченностью выступления первого секретаря Московского горкома партии на октябрьском Пленуме не преминули воспользоваться его соратники. Тогдашний редактор газеты “Московская правда” Михаил Полторанин подготовил свой вариант речи Ельцина, не имевший ничего общего с тем, что Ельцин говорил на Пленуме ЦК КПСС.

Полторанин вложил в выступление Ельцина то, что хотели слышать многие граждане советской страны. В варианте Полторанина Борис Николаевич клеймил Раису Максимовну за мелочную опеку, выступал в защиту ветеранов Великой Отечественной войны и осудил практику спецпайков для партноменклатуры.

Эта “речь” тиражировалась и распространялась в Союзе со скоростью лесного пожара. Несмотря на то, что Ельцин лишился высокого партийного статуса и оказался на второстепенной должности, его авторитет как народного героя в борьбе с партноменклатурой и её привилегиями неуклонно рос. Рос и рейтинг Бориса Николаевича как политика, **“пострадавшего за народ”**. Более того, по указанию Горбачёва Ельцин был оставлен членом ЦК КПСС. Он даже получил возможность выступить на XIX партийной конференции (июль 1988). В марте 1989 года Ельцин был триумфально избран народным депутатом СССР, набрав в Москве 90 процентов голосов. На I Съезде народных депутатов СССР (май–июнь 1989) он с помощью депутата А. А. Казанника, уступившего ему свой мандат, стал членом Верховного Совета СССР, а как председатель одного из комитетов ВС вошёл в состав Президиума ВС СССР. Ельцин также был избран сопредседателем оппозиционной Межрегиональной депутатской группы (МДГ).

В этот период Ельциным заинтересовались американские советологи. Известно, что в СССР отсутствие Компартии России объяснялось просто – нельзя создавать второй равноценный политический центр. Это грозило расколом СССР. А с появлением харизматической фигуры Ельцина у американцев появлялась возможность создать в Союзе такой центр. К этому времени маховик сепаратизма в Прибалтике американцы раскрутили по полной. Теперь оставалось привить сепаратизм в России. Ельцин по своим качествам хорошо подходил на роль носителя этой “заразы”. В сентябре 1989 года Б. Ельцин был приглашён в США организацией, занимающейся проблемами СПИДа, читать лекции (!). Более чем странно – бывший строитель Ельцин и СПИД? Но ни Горбачёва, ни Комитет госбезопасности это не насторожило.

В США Ельцин провёл девять дней, в течение которых якобы прочитал несколько лекций, получая за каждую по 25 тысяч долларов! Трудно сказать, какими были эти лекции, так как советский гость все дни визита был постоянно, мягко говоря, в “утомлённом” состоянии. Но вот рекомендации, которые ему внушили американские эксперты, он запомнил хорошо. Они были просты и очень привлекательны: **провозгласить суверенитет России, ввести там институт президента и стать этим президентом.**

М. Полторанин в интервью “Комсомольской правде” (09.06.2011) под названием **“Кто привёл Ельцина к власти”** заявил: **“Идею президентства Ельцин привёз из Америки ещё в 1989 году. В США с нашими политиками велась большая работа. А Ельцин сильно поддавался влиянию”**.

В мае 1990 года Ельцин стал реализовывать американские рекомендации. 16 мая того же года он был избран народным депутатом РСФСР от Свердловска. На первом Съезде народных депутатов РСФСР Ельцин выдвинулся на пост Председателя Верховного Совета РСФСР. Горбачёв вместо того, чтобы изначально выдвинуть против него реальную альтернативную кандидатуру, стал играть в кадровую карусель.

Накануне решающего дня голосования за пост Председателя ВС Горбачёв ограничился традиционной директивной встречей с группой народных депутатов РСФСР. Он дал “указивку” голосовать за кандидатуру председателя Совета Министров РСФСР Александра Владимировича Власова.

В это время команда Ельцина сутки напролёт вербовала сторонников. Депутатам обещались различные блага и принятие “нужных” законодательных актов в случае избрания Ельцина. Съезд дрогнул и повернул в сторону Бориса Николаевича. Но поворот был незначительным, и реакция Кремля, а точнее – Горбачёва могла исправить ситуацию. Но её не последовало. 29 мая 1990 года в третьем туре Председателем ВС РСФСР был избран Б. Ельцин, получивший 535 голосов, при необходимых 532-х. А. Власов получил 467 голосов.

Президент СССР день избрания главы российского парламента и своего будущего политического могильщика встретил в самолёте над Атлантикой, в очередной раз направляясь в США. Он так и не понял, что для него прозвучал тревожный звонок.

Развал СССР

Уже на первом Съезде народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года команда Ельцин сумел включить в повестку дня вопрос **“О суверенитете РСФСР, новом союзном договоре и народовластии в РСФСР”**. Парадоксально, но доклад на эту тему сделал “верный ленинец”, член Политбюро ЦК КПСС, до съезда возглавлявший Президиум ВС РСФСР, Виталий Воротников.

Именно он предложил Съезду принять Декларацию о суверенитете России, предусматривающую приоритет российских законов над союзными. Известно, что мнение Генерального секретаря ЦК КПСС для Воротникова всегда было окончательным и решающим. Горбачёв без труда мог бы убедить его выступить на съезде с союзных позиций. Но Генсек предпочёл сознательно пустить ситуацию на самотёк.

По свидетельству первого заместителя председателя КГБ СССР Ф. Бобкова, перед голосованием за проект Декларации о государственном суверенитете России (12 июня 1990) он вместе с генерал-полковником К. Кобецом направился к Горбачёву с этим документом.

Президент СССР (юрист по образованию) прочёл проект и заявил, что не видит в нём ничего страшного. Якобы Союзу это не угрожает. На прощание Горбачёв добавил: *“Причин реагировать на это союзным властям я не вижу”*.

Тем самым Горбачёв как Президент СССР допустил нарушение статьи 74 Конституции СССР, гарантировавшей верховенство законов СССР над законами союзных республик, а также пункта 2 статьи 127.3 Конституции СССР, согласно которой Президент СССР **обязан был** обеспечивать суверенитет, безопасность и территориальную целостность страны.

Известно, что 4 ноября 1991 года начальник Управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности Прокуратуры СССР В. Илюхин возбудил уголовное дело против Президента СССР по факту совершения им преступления **“измена Родине”**.

Однако Генеральный прокурор СССР Н. Трубин закрыл уголовное дело против Президента СССР, а Илюхин был уволен из Прокуратуры СССР.

Наиболее ярко политическая импотенция Президента СССР проявилась в отсутствии должной реакции на сходку президентов России, Украины и Белоруссии, состоявшуюся в начале декабря 1991 года в белорусских Вискулях (Беловежье).

Она состоялась потому, что заокеанские кукловоды сочли Президента СССР бесполезным политическим балластом. Беловежье было не экспромтом трёх предателей – Б. Ельцина, Л. Кравчука и С. Шушкевича, – а частью плана по разрушению Союза, по которому Горбачёва, исполнявшего роль поли-

тического Буратино и довольствовавшего пустыми обещаниями Запада, убрали с политической сцены.

Известно, что в период беловежского сговора, прекратившего существование СССР, советский спецназ почти сутки в полной боевой готовности ждал вылета в Белоруссию для ареста заговорщиков. Но приказа от Президента СССР так и не последовало, хотя законы СССР и результаты мартовского 1991 года Всесоюзного референдума о сохранении Союза, подтвердившего стремление 77,85% населения жить в единой стране, позволяли Президенту СССР принять самые суровые меры к беловежским заговорщикам.

Налицо очередное грубейшее нарушение Горбачёвым как Президентом СССР и гарантом суверенитета территориальной целостности страны. Не вызывает сомнений, что **распад СССР для Михаила Сергеевича был желанен**. Это позволяло ему избежать ответственности за содеянные преступления против советского государства и народа. Нет государства – нет ответственности!